

А. В. Семин

Япония – Китай:

участие в «многополюсной дипломатии» 90-х годов

Япония не получила существенных стратегических преимуществ от разрушения биполярной системы мирового порядка, на которые могла бы рассчитывать, если сравнивать с тем, что обрели США, Германия, а также выигравший на фоне ослабления позиций России Китай. Для японской элиты выход из холодной войны оказался сложнее, чем ожидалось. Она на время утратила политические ориентиры, допустила раскол в правящей партии, не использовала шанса для усиления позиций страны на международной арене. Не обеспечив себе соответствующего влияния, Япония не в состоянии была играть решающей роли в перестройке миропорядка. Это, однако, не означает, что в японских политических, научно-общественных кругах не существовало концепций, которые бы отражали национальные интересы. При этом концепции до определенного момента даже представлялись осуществимыми.

По оценке исследователей японского Института глобального мира, на начало 90-х годов правильными были следующие положения, касающиеся структуры международных отношений:

«1. Двухполюсная структура, существовавшая в послевоенный период в условиях противоборства между США и СССР и загнавшая международное сообщество в ловушку холодной войны, попросту исчезла из-за развала Советского Союза...

2. Так называемый экономический либерализм Европы и Америки уже не всегда может обеспечить устойчивый экономический рост. И хотя в качестве основы остается рыночная экономика, в Восточной Азии все большее распространение получает «дивелопментализм», при котором допускается активное вмешательство правительства в рыночные процессы в форме промышленной политики. От того, в какой степени удастся найти компромисс между двумя названными формами экономического развития, во многом будет зависеть судьба мировой экономики, а значит, и мирового порядка.

3. Ошибочными представляются прогнозы о приходе на смену двухполюсной структуре однополюсного образования, сформированного вокруг военного и политического потенциала США. Но обманчивы также надежды на переход к такой многополюсной системе, в которой

страна преследовала бы лишь собственные выгоды. ...Мировое сообщество встало на вполне очевидный путь сотрудничества в деле сохранения определенных международно-правовых норм...

4. В настоящее время не существует возможности создания всеобъемлющей международной федерации, да и необходимость в ней незначительна... Главная задача современного международного сообщества заключается, прежде всего, в создании всевозможных региональных объединений, имеющих собственные «региональные силы», при соблюдении ими принципа «пакс-консорциум». Ясно также, что главные задачи этих объединений должны соотноситься с определенными международными правилами, т. е. международно-правовыми нормами»¹.

В перечисленных положениях принципиально важным является тезис: «Ошибочными представляются прогнозы о приходе на смену двухполюсной структуре однополюсного образования, сформированного вокруг военного и политического потенциала США». Последующие события подтвердили указанные прогнозы, во всяком случае, именно в этом направлении обозначилась тенденция во второй половине 90-х годов. И Япония была вынуждена участвовать в перестройке системы международных отношений, руководствуясь отнюдь не собственными сценариями. Иначе и быть не могло, если зависимое положение Токио от Вашингтона во второй половине 90-х годов не только не было преодолено, но еще более закрепились.

Очевидно, Японии была ближе концептуально многополюсная модель. И не располагая значительным военным потенциалом, она, по мнению последователей идей Института глобального мира, могла бы занять собственную нишу в такой структуре. В ней не все должно определяться «на основе оценок военной мощи»². Вообще, как утверждалось, с окончанием холодной войны, «с военной точки зрения, многополярности не существует». С экономической точки зрения, согласно оценке ученых института, «три крупнейшие державы – США, Германия и Япония выступают в качестве трех мировых центров. США представляют американский экономический центр, Япония – восточноазиатский, Германия – европейский»³. Можно соглашаться или нет с отдельными положениями данной концепции, в ней, между прочим, спорными представляются оценки роли Китая и России, но отметим особо, что многополюсная структура мира ряду японских ученых в первой половине 90-х годов представлялась наиболее подходящей, соответствующей интересам Японии, кстати, и Китая тоже. И это на какое-то время, во второй половине 90-х годов, даже породило надежды на сотрудничество двух стран в этом направлении.

¹ Накасонэ Я. и др. После «холодной войны». Пер. с япон. М., 1993, с. 154–155.

² Там же, с. 165.

³ Там же.

В 1997–1998 гг. состоялась серия двусторонних встреч, в том числе на высшем уровне, четверки ведущих государств – США, России, Китая и Японии. В результате, казалось, появились предпосылки для возможного сотрудничества между ними по формированию нового мирового порядка, что нашло отражение в содержании переговоров Токио с Пекином.

Тема четырехстороннего взаимодействия возникла не сразу. Так, на японо-китайской встрече на высшем уровне, проходившей в сентябре 1997 г. в Пекине, страны пришли к принципиальному согласию о «недопустимости трений в двусторонних отношениях: Япония – Китай, Япония – США, США – Китай. При этом премьер-министр Японии Р. Хасимото лишь высказался в пользу «необходимости развивать отношения сотрудничества между четырьмя странами, включая Россию»⁴. Однако дальнейшего развития на той встрече тема не получила. Создавалось впечатление, что все же реальнее для Токио выглядела идея трехстороннего сближения.

Вообще, японская сторона, проявив на пекинском саммите возросшую заинтересованность в углублении отношений с КНР, в очередной раз подтвердила намерение сохранять тесные союзнические связи с США. «Сейчас, когда ликвидирована советская угроза, воспринимавшаяся как общая Японией, США и Китаем, союзнические отношения Японии с США обретают, в соответствии с японо-американской декларацией о безопасности и пересмотром “Основных направлений двустороннего сотрудничества в области обороны”, новые качества. Мы одновременно заинтересованы в поддержании хороших отношений с Китаем, который осуществляет модернизацию вооружений и подъем экономики», – подчеркнул выступая на пресс-конференции в Пекине глава правительства Японии⁵.

В направлении углубления трехсторонних отношений Японии, США и Китая в этот период были предприняты отдельные практические шаги. В частности, была развернута работа по созданию органа, занимающегося изучением проблем безопасности на экспертном уровне⁶. Согласие Китая на участие в этой структуре специалистов Центра исследований международных проблем КНР японской и американской стороной воспринималось как важная предпосылка для осуществления идеи сотрудничества по вопросам обеспечения безопасности в регионе. При этом было очевидно, что Пекин не спешит переводить сотрудничество на официальный уровень, в чем проявляли заинтересованность его партнеры, особенно Вашингтон. Свой подход китайская сторона объясняла ссылкой на необходимость в этом вопросе продвигаться «шаг за шагом»⁷.

⁴ Иомиури симбун. 06.09.1997.

⁵ Там же.

⁶ Иомиури симбун. 06.09.1997.

⁷ Там же. 01.11.1997.

Дипломатические контакты создавали впечатляющую картину, не имевшую в течение десятилетий прецедента. Только за вторую половину 1997 г. состоялись следующие важные встречи в рамках двусторонних связей «четверки»:

Япония – США: визиты министра иностранных дел Японии Обути в США (сентябрь 1997 г.) и заместителя госсекретаря США Тэльбота в Японию (ноябрь 1997 г.);

Япония – КНР: визиты премьер-министра Хасимото в КНР (сентябрь 1997 г.) и премьера Госсовета КНР Ли Пэна в Японию (ноябрь 1997 г.);

Япония – Россия: встреча Обути с премьер-министром России Примаковым в Нью-Йорке (сентябрь 1997г.) и визит Хасимото в Россию (ноябрь 1997 г.);

США – КНР: визит председателя КНР Цзян Цзэминя в США (октябрь 1997 г.);

США – Россия: встреча президента США Клинтона с Примаковым в Нью-Йорке (сентябрь 1997 г.);

Россия – КНР: визит президента России Ельцина в КНР (октябрь 1997 г.)⁸.

К началу токийского саммита Япония – КНР в ноябре 1997 г. уже было известно, что на 1998 г. намечены визиты Цзян Цзэминя в Японию, Ельцина – в Японию и Китай, Хасимото – в Россию, Клинтона – в Китай.

По оценке японских аналитиков, в тот период двусторонними договоренностями, достигнутыми в ходе контактов, постепенно формировалась основа для последующего четырехстороннего взаимодействия, притом, что отличалось содержание договоренностей.

Таблица 1
Характер двусторонних договоренностей в рамках «четверки»*

Япония – США	Усиление японо-американских союзнических отношений
Япония – КНР	Регулярный взаимный обмен визитами лидеров двух стран
Япония – Россия	Согласие относительно совместных усилий по заключению договора о мире до 2000 г.
США – КНР	Утверждение идеи конструктивного и стратегического партнерства
Россия – КНР	Призыв к развитию тесных отношений

* Иомиури симбун. 01.11.1997.

⁸ Иомиури симбун. 01.11.1997.

В тот период в японских средствах массовой информации нередко можно было встретить с утверждением о наступлении «критической стадии» во внешней политике страны, об «обнадеживающих признаках процесса формирования нового международного порядка»⁹.

Обращает на себя внимание факт усиления поддержки в японских политических кругах идеи четырехстороннего сотрудничества Японии, Китая, США и России. В этом убедился премьер Госсовета КНР Ли Пэн во время своего пребывания в Токио. На встрече с группой видных японских политиков, входящих в неформальный клуб бывших глав правительства Японии (Накасонэ, Такэсита, Кайфу, Хата, Хосокава), Я. Накасонэ была высказана, очевидно, общая точка зрения: «Важно, чтобы четыре державы, избегая резких, скоропалительных действий, стали стратегическими партнерами, исходя из принципа строительства нового международного порядка»¹⁰. Китайский руководитель оценил идею как серьезную. Несколько ранее она была изложена в одной из статей Я. Накасонэ, опубликованной в Японии. Он писал: «В северо-восточной части Тихого океана Россия, Китай, Япония и США должны попытаться создать четырехстороннюю политическую структуру – международный орган – в целях сотрудничества в сферах экономики, безопасности, энергетики и охраны окружающей среды»¹¹. Накасонэ высказал суждение, что более всего в создании подобной структуры заинтересована Япония и, возможно, Россия. Он подчеркивал, что в случае создания такая структура могла бы стать гарантом мира и стабильности на Корейском полуострове.

Сходную точку зрения развивал позднее тогдашний заместитель министра иностранных дел Японии Минору Тамба, выступая на международном коллоквиуме в Токио в ноябре 1998 г. Он указывал: «В последние годы Япония, США, Китай и Россия являются источником политического динамизма в Восточной Азии. Между ними активизируются контакты». По его мнению, у дипломатической активности имелись «три основные причины: 1) «новый порядок» в АТР после окончания холодной войны лишь предстоит создать; 2) в регионе сохраняются предпосылки потенциальной нестабильности такие, как тайваньская проблема; опасения, связанные с Северной Кореей; территориальный спор между Японией и Россией; 3) Япония и Россия в последние годы улучшили двусторонние отношения, чем создаются предпосылки для возникновения новой геополитической силы в регионе»¹².

Стремление японского руководства включиться в «многополярную дипломатию» нашло отражение в выдвинутой в 1997 г. премьер-мини-

стром Р. Хасимото внешнеполитической программе «Евразийская дипломатия», в которой подтверждение приоритетности японо-американских отношений впервые за долгие годы столь определенно сочеталось с признанием необходимости «активно развивать конструктивные отношения» с Китаем и Россией¹³.

Однако как для Японии, так и для остальных участников этого «дипломатического раунда» с самого начала существовали немалые трудности, которые стали причиной того, что процесс так и не приобрел устойчивого характера, и в конечном итоге – прервался. Движение происходило в условиях действия множества противоположных векторов. Между сторонами сохранялись серьезные противоречия, не была преодолена взаимная подозрительность. К примеру, согласно источникам японского министерства иностранных дел, первой реакцией в правительственных кругах Японии на намечавшееся в 1997 г. сближение Пекина с Вашингтоном и Москвой была настороженность. Так, после переговоров Цзян Цзяминя с Клинтоном возникла обеспокоенность, «не получит ли развитие дипломатия, при которой Япония будет отстранена и США сделают отношения с Китаем для себя приоритетными». А после визита Ельцина в Пекин в кабинете министров Японии появились сторонники того, чтобы в ответ «на китайское заявление об укреплении отношений с Россией были предприняты ответные шаги Японией и США»¹⁴.

Особо следует отметить, что на токийском саммите 1997 г. выявилось принципиальное различие между Китаем и Японией в подходе к формированию международного порядка. Китайская сторона выражала обеспокоенность тем, что оно происходит при центральной роли США, указывала на то, что мир становится многополярным. Вот как оценивал структуру миропорядка после распада СССР эксперт Китайской академии современных международных отношений Цзян Биньян: «Доминирующая роль США как единственной сверхдержавы сочетается с глобальной многополярностью: Китай, США, Россия и Япония уравнивают друг друга»¹⁵.

Более детально картину многополярного мира описывал китайский автор статьи «Силы отношения в сегодняшнем мире» Ян Сиюэ. Исходя из утверждения, что мир переживает период «одной сверхдержавы и множества держав», Сиюэ пояснял:

– США – единственная сверхдержава, обладающая всеми атрибутами национальной мощи;

¹³ The Daily Yomiuri. 25.07.1997.

¹⁴ Иомиури симбун. 10.11.1997.

¹⁵ Jiang Benliang. The New Pattern of Current Major Powers Relationship. – International Studies. 1998. № 3–4, p.16. Автор – руководитель Института изучения Японии Китайской академии современных международных отношений.

⁹ The Daily Yomiuri. 13.11.1997.

¹⁰ Иомиури симбун. 12.11.1997.

¹¹ The Daily Yomiuri. 03.11.1997.

¹² The Daily Yomiuri. 04.11.1998.

– США и Россия формируют военно-силовую биполярность мира;
– США, Япония, Европейский Союз и Восточная Азия определяют четырехугольную структуру экономических отношений в мире;
– США, Европейский Союз, Япония, Россия и Китай составляют пять политических центров в мире¹⁶.

По мнению китайских исследователей, основной предпосылкой движения мира к многополярности является постепенное ослабление национальной мощи США. Важно отметить, что в конце 90-х годов китайские аналитики видели в России влиятельного участника организации будущего мироустройства, тогда как японская сторона делала упор на то, что США принадлежит главная роль в поддержании стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе, чем определяется их лидирующее положение в системе международных отношений. Примечательно, что уже первые шаги Японии на поприще «многополярной дипломатии» вызвали обеспокоенную реакцию у части политической элиты. В японских средствах массовой информации стали выражаться опасения, что Япония может изменить своей традиционной ориентации на Вашингтон. При этом подчеркивалось, что «японо-американские отношения решительно важнее отношений Японии с любой другой страной, поскольку Японию и США связывают такие общие ценности, как рыночная экономика, демократия, и их союз в рамках договора о взаимном обеспечении безопасности»¹⁷. Высказывались и более определенные суждения: «Хотя сотрудничество четырех стран важно, имеются неизбежные различия. Например, Япония базирует дипломатические подходы на своих отношениях с США. Могут возникнуть изменения в международной ситуации, но нет причин, вынуждающих Японию изменить свой внешнеполитический курс. Твердое следование ему, действительно, более всего отвечало бы интересам страны. В отношении этой ориентированной на США дипломатии Китай и Россия подчеркивают, что мир стал “многополярным”. Они отчасти обеспокоены тем, что с миром, в котором доминируют США, возможно, будет покончено. И хотят это предотвратить»¹⁸.

Анализ итогов дипломатической активности четырех держав при участии Японии и КНР в конце 90-х годов позволяет сделать следующие выводы:

– Япония и Китай вступали в переговорный процесс, стремясь не отстать от геополитического перераспределения ролей при участии США и России;

– стороны, как показали события, не собирались отказываться от важнейших для себя внешнеполитических ориентиров;

– эта «многосторонняя дипломатия» в конечном итоге не ушла далеко от целей взаимного зондажа позиций; возникнув в 1997 г., она уже к 1998 г. во многом исчерпалась;

– между Японией и Китаем не произошло ни согласования, ни сближения позиций, они в основном лишь были уточнены.

В целом подтвердились слова бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера, который сказал: «Японо-китайские отношения не свободны от внешнего воздействия. Наиболее сильное влияние на них оказывает такой фактор, как тесный, многофункциональный альянс Японии с США. Что касается Японии, то рамками союза ограничивается свобода ее дипломатического выбора в отношении Пекина»¹⁹. Подобное признание видного американского политика и дипломата является дополнительным свидетельством того, что отнюдь не случайно так и не были осуществлены внешнеполитические цели Японии, содержащиеся в «Евразийской дипломатии» (1997 г.). Р. Хасимото, а он сам, будучи убежденным сторонником и успешным проводником нового внешнеполитического курса, составной частью которого стала «многополярная дипломатия», совершенно неожиданно для многих в стране и за ее пределами ушел со своего поста (1998 г.), не доведя дела активизации отношений с Китаем и Россией до намеченного рубежа. С уходом Р. Хасимото обозначился спад в развитии диалога Токио и с Пекином, и с Москвой.

В таком исходе решающая роль принадлежала Вашингтону. В его планы, по-видимому, не входило предоставление Токио такого дипломатического выбора, как углубление отношений с Китаем (и Россией). США не собирались уступать Японию никому, и сами они слишком много значили для нее. Поэтому японо-китайское взаимодействие в период четырехсторонней дипломатической активности имело скромные результаты: политический диалог продвинулся до предварительного обсуждения проблем регионального сотрудничества на многосторонней основе, до декларирования двустороннего партнерства на перспективу. Китай на данном этапе фактически подтвердил заинтересованность в осуществлении многополярной модели мироустройства. Япония же на деле оказалась не готовой разделять с Китаем данный подход, будучи более всего связанной в своих внешнеполитических шагах с США. Настораживало Токио и то, что идея построения многополярного мира может стать общей для Пекина и Москвы, в противовес Вашингтону. Такая перспектива японцами была спрогнозирована уже на старте разворачивавшейся «многополярной дипломатии». Так, в апреле 1997 г. «Санкэй симбун» писала по итогам официального визита председателя КНР Цзян Цзэминя в Москву: «Стороны договорились противодействовать “однополярному господству” США и “способствовать созданию

¹⁶ Yang Xiyae. Power Relations in Today's World. – Beijing Review. 01–14.03. 1999.

¹⁷ The Daily Yomiuri. 07.11.1997.

¹⁸ Ibid. 13.11.1997.

¹⁹ Ibid., 25.08.1997.

многополюсного мира, возникновению, таким образом, нового международного порядка». ...Это означает, что Россия вступила на бесперспективный путь, возможно, ведущий к ее изоляции. Поэтому Японии следует внимательно следить за дальнейшим развитием китайско-российского сотрудничества»²⁰.

На данном историческом рубеже Японии, очевидно, было не дано сбалансировать свои отношения с США и Китаем. Это по-своему оценивала, в частности, китайская сторона. «Япония не в состоянии выстроить политику, которая позволит поддерживать надлежащие японо-американские и японо-китайские отношения. «Китайское» направление японской политики будет подвержено шатаниям до тех пор, пока Япония стремится к двум целям: сдерживать Китай (Японо-американский договор безопасности) с одновременными попытками развивать с ним экономические отношения», – отмечал китайский эксперт по проблемам японской политики Цзинь Цзяньюнь²¹.

В результате под сомнение была поставлена роль трех держав – Японии, Китая и США в обеспечении совместными усилиями мира и процветания в Азиатско-тихоокеанском регионе. Так, на переговорах министров иностранных дел стран АСЕАН в Сингапуре в июне 1999 г. премьер-министр этой страны Го Чок Тон выразил обеспокоенность ухудшением отношений между тремя государствами, он подчеркивал: «Стабильность японо-американо-китайских отношений – жизненно важный фактор, определяющий безопасность и планомерное восстановление экономики в регионе. Но трехсторонние отношения находятся под ударом. Подвержены периодическим взлетам и падениям японо-американские отношения, через призму исторического прошлого до сих пор рассматриваются японо-китайские отношения, обострились в последнее время американо-китайские отношения...»²²

Вскоре стало ясно, что под ударом находилась «многополярная дипломатия», а также в целом перспективы сотрудничества Японии, Китая, США и России в строительстве нового международного порядка. Как показали события 1999 г., разворачивавшиеся вначале вокруг югославского Косово, а затем – российской Чечни, идея создания многополюсного мира терпела поражение в условиях доминирования в международных отношениях Соединенных Штатов, готовых навязать мировому сообществу однополярную модель миропорядка «по-американски».

Таким образом, в последнее десятилетие XX в. Япония подтвердила свою приверженность тесному союзу с Соединенными Штатами. Этим в значительной мере были предопределены перспективы и рамки отношений Токио с Пекином на ближайшие годы с вытекающими из этого

обретениями и издержками. Вашингтон не был заинтересован в японо-китайском сближении – и оно на рубеже веков оставалось неосуществимым.

Место Китая в изменяющейся геополитической обстановке в Восточной Азии

Феномен резкого и устойчивого экономического роста Китая, а также сопутствовавшее этому усиление военной мощи и политического влияния вносили серьезные коррективы в расстановку сил в Восточной Азии. Уже на рубеже XX–XXI вв. Вашингтон с тревогой следил за развитием Китая, угадывая в нем быстро усиливавшегося будущего соперника. В конце 1999 г. бывший госсекретарь США Г. Киссинджер, анализируя состояние американо-китайских отношений, отмечал: «...Китай, подобно Советскому Союзу, идеологически устремлен к региональному, если не к глобальному доминированию. Сосуществование с ним невозможно. Мы должны оказывать давление на это последнее крупное тоталитарное государство до тех пор, пока оно не трансформируется в мирное и демократическое. Нарастание военной мощи и экономический взлет Китая с неизбежностью бросают вызов Америке в Азии и должны быть заблокированы еще до того, как достигнут неуправляемых масштабов»²³. Довольно скоро появились признаки того, что Вашингтону трудно «управлять» этим процессом. В середине 2002 г. председатель комиссии конгресса США по американо-китайским отношениям Ричард Д'Амато в своем докладе констатировал, что происходящая экономическая интеграция Китая с другими странами Восточной Азии создает условия для доминирования Китая в данном регионе. В докладе указывалось: «Китайские лидеры убеждены в том, что США как держава теряют свое влияние и в существенной мере становятся уязвимыми в военном отношении, чем можно воспользоваться. Китай стремится стать ведущей мировой державой, играть решающую роль в Азии. В конечном счете, Китай ставит целью формирование многополярного мира, в котором он мог бы стать союзником других укрепляющихся центров силы, таких, как Россия, Япония и Европа, с задачей подорвать позиции США»²⁴.

В докладе американского Центра исследований международных и стратегических проблем (Center for Strategic International Studies – CSIS) проанализированы современная политика США в Азии, американо-китайские отношения, обозначены ключевые моменты этих отношений. Определяя основные цели своей политики в Азии, Вашингтон до самого последнего времени подчеркивал важность сохранения здесь своего присутствия и достижения «специфических» результатов в от-

²⁰ Санкэй симбун. 28.04.1997.

²¹ The Daily Yomiuri. 04.06.1998.

²² Ibid., 24.07.1999.

²³ Kissinger H. Sino-U.S. Relations Still in Doubt. – The Daily Yomiuri. 25.10.1999.

²⁴ Kyodo News. 16.07.2002.

ношении Китая. Как понимаются эти «специфические» результаты, становится ясным из анализа некоторых заявлений американских официальных лиц.

Бывший госсекретарь К. Пауэлл делал акцент на «канализации» поведения Китая в русле «ответственности»: «Мы приветствуем глобальную роль Китая при условии, что он берет на себя бремя “ответственности”, которая этой ролью определяется».

Помощник госсекретаря по Восточной Азии Дж. Келли уделил особое внимание проблеме политической либерализации в Китае: «Правительство США стремится защитить демократию на Тайване и стимулировать конструктивную интеграцию Китая в мировую систему, как и утверждение прав личности в этой стране».

О попытках блокирования действий Китая по подрыву влияния США в регионе свидетельствовали слова Дж. Келли: «Приветствуя конструктивное участие Китая в Азиатско-тихоокеанском регионе, мы нуждаемся в гарантиях, что США сохранят полномасштабные отношения со странами Юго-Восточной Азии»²⁵.

В докладе, подготовленном в CSIS, состояние отношений между США и Китаем характеризовалось как результат действия противоположных тенденций – конвергенции и дивергенции.

Общие цели США и Китая

- Расширение международной торговли; стимулирование двусторонней торговли;
- мирная, стабильная международная обстановка;
- сильный, процветающий Китай;
- противодействие исламскому национализму;
- противодействие (в принципе) «террористическим организациям»;
- Корея: снижение напряженности (на полуострове – А. С.), реформы в Северной Корее ²⁶.

Ключевым вопросом развития ситуации Вашингтон считает возможность смены лидерства и влияния в Восточной Азии и в целом в АТР. США осознают, что возможности и влияние Китая возрастают в регионе, где они в течение долгого времени были сильнейшей державой в политическом, военном и экономическом отношениях. В то время как влияние Китая увеличивается, вес и влияние США снижаются. Вашингтон заинтересован сохранить свои позиции. Иначе говоря, подъем Китая, по американской оценке, неизбежно «наносит удар по интересам США, по геополитической ситуации в Восточной Азии, в АТР»²⁷.

²⁵ http://www.csis.org/pacfor/issues/vol4no6_ch4.cfm

²⁶ Ibid.

²⁷ http://www.csis.org/pactor/issues/vol14no6_ch4.cfm

Таблица 2
Несовпадающие цели США и Китая*

США	Китай
1. Однополярная модель миропорядка	1. Многополярная система
2. Мир, базирующийся на «ключевых» союзах	2. Союзы = «менталитету холодной войны»
3. Утверждение либеральной демократии	3. Политическая либерализация = «бездымной войне»
4. Интервенция против государств-изгоев	4. Суверенитет и невмешательство
5. Война с террором: справедливость превентивной войны	5. Меньше угроза – иная мера
6. США – главный игрок в сфере обеспечения безопасности в Азии	6. Роль США снизилась – роль Китая повысилась
7. Корея – союзник США	7. Корея – союзник Китая
8. Япония – «Великобритания Азии»	8. Япония – слабая и нейтральная
9. Оборона с использованием ракет укрепит мир	9. Оборона с использованием ракет – дестабилизирующий фактор
10. Нет – распространению китайского оружия массового уничтожения	10. Выборочное распространение способствует достижению целей Китая
11. Тайвань остается демократическим; рассчитывает на уважение.	11. Воссоединение вне зависимости от желания Тайваня

* http://www.csis.org/pacfor/issues/vo4no6_ch4.cfm

Ослабление позиций сторонников концепции однополярного мира

Как уже отмечалось, «многополюсная дипломатия однополярного мироустройства» с участием Японии в конце 90-х годов не имела успеха, не привела к утверждению миропорядка, основанного на «сотрудничестве и соблюдении международно-правовых норм». Однако это не означало, что в Японии внезапно исчезли сторонники самой идеи построения многополярного мира. К началу XXI в. их убежденность в своей правоте получала подкрепление в критическом анализе издержек мироустройства «по-американски». Это можно видеть на примере исследовательской работы советника министерства иностранных дел Курияма Такакадзу ²⁸. Анализируя события 90-х годов, он утверждал в 2000 г., что «движению мира к многополярности задан толчок». «Совершенно очевидно, – писал Т. Курияма, что распад СССР вызвал пре-

²⁸ Т. Курияма – профессор токийского университета Васэда, бывший посол Японии в США и Малайзии.

вращение США в единственную в мире военную сверхдержаву и, как можно видеть в перспективе, ни одна страна не сможет сделать вызов военному превосходству США. В экономической области имидж США как единственной державы-победителя связан, главным образом, с представлениями о лидерстве в революции информационных технологий ... Что же касается формирования и поддержания мирового порядка, то “золотой эры”, существовавшей в мире с 50-х до середины 60-х годов, больше нет. ... Мир сегодня все менее стремится следовать за Вашингтоном по ряду причин. Наиболее развитые из государств, которые за последние полвека достигли тройного роста экономики, испытали сдерживающий эффект воздействия со стороны США и ведут работу по строительству и поддержанию более сложного миропорядка. Военная сверхдержава, столь мощная, с военной точки зрения, как США, имеет свои собственные проблемы, которые должна решать. Одна лишь сила не может быть ничем иным, кроме угрозы миру. Об этом свидетельствуют примеры событий на Балканах, в Ираке и на Корейском полуострове... Между прочим, доля США в мировой экономике упала с прежних 40% до сегодняшних 25%. Сегодня и рост, и благополучие американской экономики стали несравненно более чувствительны к тенденциям в мировой экономике из-за возросшей взаимозависимости, связанной с глобализацией»²⁹.

Примечателен прогноз, который давал японский эксперт: «Хотя США, несомненно, останутся в XXI в. в статусе наиболее влиятельной державы мира, их влияние никоим образом не будет столь значительным, чтобы соответствовать однополярному статусу. Напротив, Америка ощутит себя ограниченной рамками многополярной структуры мира, которая будет включать возросшее число “игроков”, действующих по собственной воле в политической и экономической областях. Этими “игроками” будут не только государства, но и неправительственные организации, и многонациональные корпорации»³⁰.

Прогноз японского аналитика подтверждается. Нараставшая угроза системе однополюсного мира по-американски, начиная с 2003 г., стала обсуждаться не только профессиональными политиками и политологами. Распространение темы за пределы кабинетов в сферу публичной дискуссии стало одним из свидетельств растерянности инициаторов одноименной стратегии. В августе 2003 г. в «Известиях» в рубрике «Взгляд из Вашингтона» была опубликована статья госсекретаря США К. Райс «Многополярность как теория соперничества». «Тревожит то, что некоторые с восхищением – и даже с чувством ностальгии – говорят о многополярности», отмечалось в статье. Она призывала оставить «поиск

новых полюсов» и направить «энергию на создание того, что президент Буш назвал “балансом силы, благоприятствующим свободе”»³¹.

Через пять дней в рубрике «Взгляд из Москвы» в той же газете была помещена статья академика РАН Примакова «Мир без сверхдержав». В статье говорилось: «После окончания холодной войны мир стал развиваться в направлении многополярной структуры... Сегодня супердержав нет... Соединенные Штаты, хотя они и обладают исключительным политическим влиянием и являются самым мощным в военном и экономическом отношении государством мира, утратили такой статус». В заключение автор задавал важный вопрос: «Кто возьмется утверждать, что Китай, который накачивает свои экономические мускулы, станет частью системы однополярного мира и будет безропотно следовать в хвосте событий, определяемых из одного центра? Это же касается России, Индии, Японии»³².

Итак, попытки США строить однополярный мир, прибегая к использованию комплекса политических, экономических, идеологических, силовых технологий, полного успеха не имели. Провал потерпела силовая политика Вашингтона. США оккупировали Афганистан и Ирак, создали базы в Центральной Азии, стали готовиться к вторжению в Иран. И этот курс не получил поддержки в американском обществе. Это, в частности, показали результаты выборов в 2006 г. в Конгресс, а также оценки политики США в Ираке в докладе Бейкера-Гамильтона. Стало очевидным, что уход американских войск из Ирака – лишь вопрос времени, а новые агрессивные планы, прежде всего, в отношении Ирана, сняты с повестки дня. Увязнув на Ближнем Востоке, США упустили события в Латинской Америке, не осуществили замыслов в отношении Северной Кореи, не смогли противостоять укреплению позиций России и Китая в Центральной Азии. Вашингтон все более утрачивает поддержку своей «однополярной» политики со стороны стран-союзников. Известный американский философ и футуролог Ф. Фукуяма в своей книге «Америка на распутье» констатирует: «Возникновение однополярного мира после окончания холодной войны привело к такому расширению гегемонии Америки, что оно стало вызывать беспокойство даже у ближайших союзников США»³³. Примечательно, что Фукуяма приходит к значимому заключению: «Тот факт, что ошибки совершены единственной мировой сверхдержавой, выявляет жизненно важные пробелы в самой основе мирового порядка, основанного на “благодетельной гегемонии” Америки»³⁴. Все более очевидно, считает эксперт гонконгского Центра исследования международных проблем

²⁹ Kuriyama T. Challenges for Japan, s Foreign Policy Future. – Japan Review of International Affairs. 2000, vol.14, №3, p.201–202.

³⁰ Ibid., p.210.

³¹ Известия. 21.08.2003.

³² Известия. 26.08.2003.

³³ Фукуяма Ф. Америка на распутье. М., 2007, с.20–21.

³⁴ Там же, с.255.

М. Клер, вырисовывается перспектива геополитического противостояния Вашингтону со стороны Пекина, прежде всего в Восточной Азии³⁵.

Есть и другие свидетельства сдачи позиций Соединенными Штатами, в частности, касающихся отношений со Старым Светом. В мае 2007 г. в ходе встречи лидеров «восьмерки» было оглашено намерение США и Европейского Союза (ЕС) создавать «Атлантический общий рынок». С одной стороны, в этих планах просматривается признание Вашингтоном несостоятельности прежнего курса на исключительное право самому определять границы американских торгово-экономических предпочтений. С другой стороны – налицо признание европейской элитой военной и финансовой зависимости от США, общности с ними ценностей рыночной экономики и либеральной демократии. В таком стремлении «сплотиться» с традиционной соперницей – Европой многие наблюдатели увидели не только поражение политики «однополярного мира», но и признание Вашингтоном этого поражения.

На встрече «восьмерки» (2007 г.), в своей программной речи канцлер Германии Ангела Меркель, давая разъяснения о необходимости стратегической переориентации Европы на «атлантизм» и Соединенные Штаты, раскрыла мотивы: «Иначе мы не выдержим конкуренции с Китаем в XXI в.»³⁶. Понято, что имелся в виду не один Китай, а вместе с Японией. Запад, очевидно, не исключал возможности возникновения в противовес «атлантическому центру силы» альтернативного – «тихоокеанского центра». Эти опасения вполне могли возникнуть после японо-китайского саммита в апреле 2007 г. А некоторые политологи уже были готовы предсказывать, что «нарастание конфликтного потенциала между “атлантическим” и “тихоокеанским центрами силы” грозит стать основным содержанием мировой истории, как минимум, на предстоящее десятилетие»³⁷.

Геополитическая ситуация в Восточной Азии. Япония – Китай – США и интересы России

Геополитическая ситуация в Восточной Азии находится под прямым воздействием обозначившихся глобальных тенденций. Изменения затрагивают, прежде всего, отношения в треугольнике Япония – Китай – США, а они в своей основе предопределены быстрым экономическим подъемом Китая.

Согласно долгосрочному экономическому прогнозу Центра экономических исследований Японии (Japan Center for Economic Research –

³⁵ Klare M. New moves on the tripolar chessboard. – http://www.atimes.com/Middle_East/HF17Ak01.html 17.06.2006.

³⁶ Завтра. 2007, май, №20.

³⁷ Нагорный А., Кононов Н. Тень Китая над G-8. Мир обретает новую геополитическую структуру. – Завтра. 2007, май, №20.

JCER), ВВП (измеренный на базе паритета покупательной способности на 2000 г.) Китая составит в 2020 г. 17,3 трлн. долл.; 2030 г. – 25,2 трлн.; 2040 г. – 30,4 трлн.; 2050 г. – 33,4 трлн. долл.

ВВП США будет равен в 2020 г. 16,8 трлн. долл., 2030 г. – 21,4 трлн.; 2040 г. – 27,2 трлн.; 2050 г. – 34 трлн. долл.

ВВП Японии достигнет в 2020 г. 4,2 трлн. долл., 2030 г. – 4,7 трлн.; 2040 г. – 5 трлн. долл.

Вот к каким выводам приходит на основании этого прогноза президент Института развивающихся экономик ДЖЕТРО, вице-президент Национального института политических проблем (Токио) Такаси Сираиси:

– Масштабы китайской экономики превысят масштабы экономики США в период 2020–2040 гг., в то время как экономика Японии останется на уровне 1/7 от США и Китая.

– Так как экономики США и Китая станут конкурировать, Япония будет играть решающую роль в определении баланса сил в Восточной Азии. К примеру, в 2020–2040 гг., когда масштабы экономики КНР превысят масштабы экономики США, суммарно японская и американская экономики будут крупнее китайской.

Роль Японии будет состоять не в том, чтобы концентрировать свои дипломатические усилия на выработке баланса сил между США и Китаем. Вместо этого Японии следует сохранять японо-американский альянс, одновременно продвигаясь в стратегическом диалоге с Китаем, чтобы таким путем способствовать постепенной трансформации «порядка» в регионе³⁸.

В диалоге Япония – Китай всегда в той или иной форме присутствуют США. Они участвуют (зримо или незримо) в выработке японской внешней политики в целом (главный ее постулат: «японо-американские отношения – краеугольный камень» японской дипломатии) и определении ее курса на китайском направлении в особенности. Расхождения между Токио и Вашингтоном периодически возникают, но они разрешаются, как правило, в соответствии с американскими интересами. Последнее уже стало своего рода традицией. Но в новых условиях Япония может отказаться от этой традиции, приняв в расчет изменение соотношения сил в своем окружении. Существует вероятность трансформации отношения Токио к союзу с Вашингтоном. Эту перспективу пытаются исследовать японские (и американские) политологи. Пример подобного исследования – вышедшая в Японии в 2007 г. и ставшая бестселлером книга автора Харуки Иосида «Бэйкоку-ка Тюгоку-ка?» («Америка или Китай?»)

Х. Иосида считает, что для Японии предпочтительнее иметь сильного союзника. Сегодня, очевидно, сильными являются Соединенные

³⁸ The Daily Yomiuri. 17.06.2007.

Штаты, в ближайшей перспективе в союзе с Японией они станут еще сильнее. Однако в дальнейшем более сильным будет Китай. В настоящее время Япония прикрыта американским ядерным зонтиком, однако нет уверенности в том, что в случае ядерного нападения на Японию США нанесут по агрессору ответный удар, поскольку нет такого взаимодоверия в японо-американских отношениях. Существует мнение, что в перспективе США постепенно уйдут из Азии. В таком случае Япония без колебаний свяжет себя с Китаем. В будущем мощь США относительно уменьшится, а КНР – возрастет. Вместе с тем, у США, как представляется, еще сохранится выбор: наряду с Японией и Южной Кореей, заключить союз с Филиппинами, а также Индонезией. Но для этого у США уже отсутствует потенциал лидера ³⁹.

Иосида в своей работе также анализирует современные взгляды известных американских специалистов на перспективу японо-американского союза Зб. Бжезинского и С. Хантингтона. В кратком изложении японского исследователя суть точки зрения Бжезинского в его книге «Видение мира с геополитической точки зрения», вышедшей в Токио на японском языке⁴⁰, сводится к следующему. Излишне полагаться на отношения с Японией. В Азии она находится в изоляции, а зависимость США от Японии с неизбежностью возрастает. С другой стороны, японо-американские трения усиливаются, а в правительстве Китая господствуют представления о том, что Вашингтон опасается возрождения японского милитаризма. Следуя этому представлению, Китай подобно тому, как это было в период противостояния США – СССР, может попытаться извлечь выгоду из этой ситуации, т. е. «ловить рыбу в мутной воде». Как считает Пекин, если США сохраняют влияние в Азиатско-тихоокеанском регионе, то у Японии не будет иной альтернативы, как обратить взор к Китаю. В таком случае, по мнению Х. Иосиды, США с Китаем пойдут на сговор через голову Японии. И на поставленный вопрос: «Америка или Китай?» ответом Японии будет: «Ни Америка, ни Китай».

Обращаясь к изданной в Японии книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и Япония XXI века»⁴¹, Х. Иосида излагает взгляды автора книги на будущее японо-американского союза. У Японии, по мнению Хантингтона, нет иного пути, как этот союз, если речь идет об осмысленной попытке с помощью американского ядерного оружия сбалансировать силы с Китаем. При этом, Япония, оставаясь на этой позиции, обдумывает будущий пересмотр союзнических отношений с США. «Вашингтон не демонстрирует ни четкой решимости, ни обязательств, и так как вероятность их выполнения невелика, Япония подстраивается под Китай. ...После появления век назад на международной

арене Япония неизменно придерживалась стратегии заключать союз с мощной державой. Очевидно, вскоре мы станем свидетелями того, что она вступит в согласие с Китаем»⁴². О согласии с таким прогнозом свидетельствует мнение известного в Японии журналиста-международника К. Такахаси: «Обеспокоенность в связи с усилением военной мощи Китая может стать причиной возникновения в XXI в. новой структуры обеспечения безопасности, в создании которой Япония примет участие вместе с другими азиатскими странами-соседами»⁴³.

Уже сегодня намечается тенденция ослабления американского влияния в Восточной Азии. Возникает все больше признаков быстрого усиления экономического присутствия Китая в странах Юго-Восточной Азии и постепенной сдачи там позиций США. Появляются прогнозы относительно вероятности формирования в будущем «синоцентрической» системы безопасности в Северо-Восточной Азии. Сочетание экономического роста с энергичным проведением внешнеполитического курса в стиле «мягкой силы» уже создали, как считают специалисты, предпосылки для лидирующего положения Китая в СВА.

В связи с такой тенденцией тема возможного ухода США в будущем из Восточной Азии (как это отмечалось и после окончания холодной войны) привлекает в последнее время внимание исследователей⁴⁴. Высказывается, например, мнение, что это может произойти под девизом приоритетного значения укрепления позиций США в других регионах, в частности, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Уход может быть прикрыт тезисом о необходимости «стратегического маневра» («выхода из боя») или «отступательного маневра», или иным подобным эвфемизмом. Готовясь к уходу, по мнению сторонников такой точки зрения, США уже начали заблаговременно создавать оборонительное кольцо, используя военные союзы с Индией, Филиппинами, Австралией. Но не исключается и другой сценарий развития событий, при котором США откажутся согласиться с потерей своего влияния в Восточной Азии, и Вашингтон и Пекин будут двигаться от нынешнего состояния отношений к открытому конфликту ⁴⁵.

Сомнения в том, что США «просто и мирно уйдут» из региона высказываются и на страницах российских изданий. Вместе с тем нет уверенности в том, что события, когда речь идет об отношениях между существующей сверхдержавой – США и, возможно, будущей – Китаем,

⁴² Иосида Х. Бэйкоку-ка Тюгоку-ка, с. 273–276.

⁴³ Takahashi K. China Threat Strengthens US – Japan Military Ties. <http://www.atimes.com/atimes/Japan/GA13Dh01.html>. 13.01.2005.

⁴⁴ Glosserman Br. America Missing out in Asia. <http://www.Japan Times.co.jp/cgi-bin/getted.pl15?eo20060126Cg.html>. 15.12.2006. Брэд Глоссерман – исполнительный директор Интернет-издания Pacific Forum CSIS.

⁴⁵ Foffer Jh.. Dragon against Eagle. – <http://www.atimes.com/atimes/China/HL15Ad01.html>. 15.12.2006

³⁹ Иосида Х. Бэйкоку-ка, Тюгоку-ка? (Америка или Китай?), с.272–274.

⁴⁰ Тисэйтэки-ни сэкай-о ёму. Токио, 2007.

⁴¹ Буммэй-но сётоцу-то XXI сэйки-но нихон. Токио, 2007.

развиваются уже очевидным образом. Не может быть сомнения в том, что Китай – против гегемонии США. Но, скорее всего, не пришло время для активного противодействия этой гегемонии. Китай набирает силу, однако пока ее не набрал – он не заинтересован обострять отношений с США. Они для него важны. В этом контексте есть смысл сослаться на оценку крупного китайского эксперта Ли Фэнлиня относительно перспективы создания «синоцентричной» системы безопасности в Северо-Восточной Азии. По его словам, «США не уйдут из СВА»⁴⁶. Что касается американских исследователей, то их большинство пребывает в уверенности, что геополитическое окружение позволяет США рассчитывать на долгий период главенства в регионе в XXI в.⁴⁷

Однако если брать отдаленную перспективу, то часть специалистов, в том числе американских, прогнозируют серьезное ослабление позиций США в СВА и мире в целом. Так, согласно прогнозу военного эксперта Ким Чиюля, проводшего обстоятельное исследование проблемы, «в течение ближайших 50 лет Северо-Восточной Азии предстоит пережить глубокие изменения, но при этом сохранятся и некоторые устойчивые тенденции, которые существенно повлияют на формирующуюся систему безопасности. Важнейшей из этих тенденций, вероятно, станет усиление Китая и сопутствующий ему закат Соединенных Штатов, который приведет к концу особого положения, занимаемого ими в Азии с 1945 г. ... Нарождающийся новый мировой порядок будет представлять собой региональное равновесие сил между Китаем и США – в Китайский блок, вероятно, войдут Россия и объединенная Корея, в американском блоке роль важнейшего партнера сыграет Япония»⁴⁸.

Сегодня Китай важен для США. Достаточно напомнить, что китайские капиталы – основной источник американских заимствований. Китай важный обладатель долговых обязательств США и фактически финансирует американскую экономику. Если бы темпы развития экономики КНР лишь только замедлились, то это бы имело негативные последствия для США⁴⁹. С учетом этой финансовой зависимости, а также возрастающего политического и экономического влияния Китая в Азии и

⁴⁶ Научная дискуссия в Институте изучения социальных проблем стран Европы и Азии при Госсовете КНР с участием делегации ИДВ РАН. Пекин. 2007, Июнь.

⁴⁷ U.S. Department of Commerce. Office of Technology Policy. The New Innovators: Global Patenting Trends in Five Sectors. Wash., 1998, p. 23.

⁴⁸ Kim Jiul. Continuity and Transformation in Northeast Asia and the End of American Exceptionalism. A Long-Range Outlook and U.S. Policy Implications. – Korea Journal of Defense Analysis. May 2001 http://world.lib.ru/kim_o_i/fr3.shtml. Чжоил Ким – полковник ВВС США, изучал тему как исследовательский проект, проводил опросы среди ученых, политических и общественных деятелей стран региона, в том числе России.

⁴⁹ Bhadrakumar M. K. China begins to define the rules. <http://www.atimes.com/atimes/China/IA20Ak04.html>. 20.06.2007. Автор – в прошлом карьерный индийский дипломат, являлся послом в Узбекистане (1995–1998), Турции (1998–2001).

мире в целом Вашингтон проявляет готовность проводить более гибкий курс по отношению к КНР. Речь идет, разумеется, не о стратегии, а о тактике и риторике.

В январе 2007 г. на слушаниях в комитете по разведке Сената США тогдашний директор национальной разведки Джон Негропonte в докладе «Ежегодная оценка угроз», сделал неожиданное «откровение»: «США не обеспокоены какой-либо угрозой со стороны Китая, так как Пекин придает приоритетное значение позитивным отношениям с США. Активное включение Китая в процесс глобализации ускоренным образом приводит страны этого региона к более тесному взаимодействию». В этом же контексте сделано и замечание Негропonte относительно высоких темпов модернизации НОАК. Он считает, что это скорее «понятная демонстрация устремления Китая к статусу великой державы, осознания угрозы и стратегии безопасности», чем «демонстрация угрозы как таковой стратегическим интересам США». Подобный подход явно расходился с официальными оценками Пентагона. Скорее всего, тезис Негропonte следовало рассматривать в качестве некой формулы для официального употребления в контексте корректирования общего стиля американской дипломатии.

О стремлении США к проявлению определенной «гибкости» в сфере дипломатии свидетельствует так называемый «Принстонский проект национальной безопасности» – двухпартийная инициатива ведущих американских мыслителей из числа членов правительства, ученых, бизнесменов, в течение нескольких месяцев дискутировавших на темы внешней политики США. Принстонский проект определяет шесть критериев оптимальной стратегии США в XXI в.

1. Она должна быть многовекторной, т. е. должна действовать подобно «швейцарскому» армейскому ножу, в котором имеется набор инструментов, используемых в зависимости от конкретной необходимости.

2. Она должна быть интегрированной, т. е. должна сочетать силу принуждения с силой гибкости.

3. Она должна в большей мере базироваться на интересах, чем на угрозе, позволяя США быть гибкими при выстраивании модели сотрудничества со странами на основе скорее тактики, чем на основе стремления к тому, чтобы другие страны были обязаны разделить с США их подход к угрозам.

4. Стратегия США должна быть основанной скорее на «надежде, чем на страхе», т. е. она должна излучать положительную энергию прогрессивного видения мира.

5. Стратегия должна исходить из формулы «внутреннее состояние – внешняя политика», которая подразумевает, что США должны укрепить «внутренний потенциал, единство и ответственность других правительств как основы глобального порядка и его эффективности».

6. Стратегия должна быть адаптирована к веку информации. Это означает, что США должны быть «быстрыми и гибкими в мире, где информация распространяется мгновенно, а действующие субъекты реагируют на нее быстро, и специальные небольшие подразделения собираются вместе в крайне сжатые сроки для определения целей – либо заняться бизнесом и реструктурировать компанию, либо спланировать и осуществить террористическое нападение»⁵⁰. Применительно к Азии Принстонский проект имеет в виду «построение “транстихоокеанского”, а не “паназийского” регионального порядка, в котором бы США “играли полновесную роль”, а американо-японский альянс оставался бы краеугольным камнем стратегии США в Восточной Азии. США также намерены продолжить укрепление связей с Индией на основе политики, которая принимает во внимание, что непрерывный экономический рост других азиатских стран (наряду с Китаем) является ключевым фактором в том, чтобы держать под контролем подъем Китая»⁵¹.

Таким образом, согласно Принстонскому проекту, США в ближайшем будущем планируют с использованием обновленных тактических приемов и привлечением других азиатских стран, в первую очередь ближайших союзников, активизировать традиционный курс на «сдерживание Китая». При этом риторика официальных лиц по отношению к усиливающемуся Китаю, вероятно, может измениться по сравнению с прошлым. Она уже меняется. Примером может служить тот же термин «стратегический диалог».

Однако Вашингтон пока по-прежнему не готов менять стиль поведения «старшего брата» в отношениях с Токио. Это, в частности, проявляется в стремлении не допустить проявления инициативы по отношению к Пекину. Опасения относительно предпосылок выхода японской политики из-под контроля США на китайском направлении возникли после апрельских договоренностей, достигнутых между руководителями Японии и Китая (2007 г.).

С этого рубежа появились признаки некоторого охлаждения отношения администрации Буша к правительству Абэ. Так, Токио не получил искомой поддержки в важном для него споре с Пхеньяном вокруг темы «возвращения похищенных северокорейскими спецслужбами японцев», подвергся критике за позицию в вопросе о сексуальной эксплуатации корейских женщин японской военщиной в годы второй мировой войны. В июле 2007 г. Конгресс США принял резолюцию с требованием к премьер-министру Японии не только принести официальные извинения КНДР, но откровенно и четко осудить заявления японских официальных лиц, отрицавших преступные действия.

В июле 2007 г. Либерально-демократическая партия, которую С. Абэ возглавлял, потерпела серьезное поражение на выборах в верхнюю

палату парламента. Добившаяся успеха оппозиция в лице Демократической партии Японии заявила о намерении сменить правительство. Складывалось впечатление, что на результаты выборов могло повлиять проамериканское лобби, пытающееся воспрепятствовать возможному сближению Токио с Пекином, которое наметилось с избранием Абэ премьером. В сентябре Абэ (за три дня до этого он встречался с президентом США Дж. Бушем, о содержании беседы сведений не имеется) внезапно фактически для всех в его партии и правительстве подал в отставку.

Нельзя исключать того, что определенную роль в решении Абэ об отставке сыграло то, что он вызвал недовольство Вашингтона. У Абэ существовала репутация националиста, стремящегося строить процветающую и независимую Японию. Импульс активизации националистических тенденций в политической жизни страны был дан при правительстве Коидзуми, который внес в это свой немалый вклад. Достаточно напомнить о его настойчивых, несмотря на жесткое противодействие со стороны Пекина и Сеула, посещениях храма Ясукуни, являющегося для азиатских народов символом японского милитаризма и национализма. Но направленность этих настроений в японском политическом истеблишменте в тот период не очень беспокоила США. «В Японии в эти дни поднимается национализм, – писал в 2005 г. эксперт по международным вопросам, обозреватель газеты «The Japan Times» Ханаи Кироку. – Хотя он в последнее время направлен, главным образом, против Китая и Южной Кореи, США могли бы стать новой мишенью японского национализма, если бы решение проблемы передислокации американских баз в Японии столкнулось с трудностями»⁵².

По-видимому, не все проявления национализма японского руководства для Вашингтона приемлемы, особенно, если это как-то связано с возможностью японо-китайского сближения. Это осознается частью японских политиков и вызывает у них обеспокоенность. К примеру, бывший генеральный секретарь ЛДП К. Като, выступая 11 июня 2007 г. в программе «Диалог» по девятому каналу Пекинского телевидения, с явной озабоченностью предостерегал: «Национализм неизбежно вызовет конфронтацию с Соединенными Штатами»⁵³.

Китайская сторона внимательно следит за новыми тенденциями в отношениях между Токио и Вашингтоном, которые появились после восстановления контактов между лидерами Японии и КНР. Известно мнение заместителя директора Института исследований Японии

⁵² Hanai K. Tired of Military Presence. – <http://www.japantimes.co.jp/cgi-bin/geted.pl15?eo20051024kh.html>. 24.10.2005. Ханаи Кироку – в прошлом обозреватель ряда японских газет, характеризуется как специалист по широкому кругу проблем международных отношений.

⁵³ Автор зафиксировал содержание интервью во время пребывания в научной командировке в Пекине в июне 2007 г.

⁵⁰ <http://www.atimes.com/atimes/China/IA20Ad03.html>. 20.01.2007.

⁵¹ Ibid.

Китайской академии современных международных отношений Ма Цзюньвэя: «На данном этапе Япония в соответствии со своими интересами опирается на потенциал США, одновременно задумываясь о будущем независимом существовании. Она, с одной стороны, идет на улучшение отношений с Китаем, извлекая из этого выгоду для себя, а с другой – не собирается, как представляется, учитывать изменившуюся роль Китая в Азии. И хотя китайско-японские отношения в последнее время улучшаются, позиции сторон существенного изменения не претерпели. Остается много нерешенных вопросов»⁵⁴.

Тем не менее, нельзя исключить того, что Япония, нормализовав в 2006–2007 гг. отношения с КНР и опираясь на достигнутые договоренности, попытается в дальнейшем скорректировать свой политический курс в отношении Китая, с учетом возможного изменения соотношения сил между ним и США. «Союз Японии и Китая мог бы создать партнерство, способное претендовать на доминирование любого уровня», – подчеркивает российский ученый А. Уткин⁵⁵. Однако Вашингтон не намерен допустить сближения Японии с Китаем. И у американской стороны на данном этапе сохраняются рычаги воздействия на своего близкого союзника.

То, как будут развиваться отношения в треугольнике Япония – Китай – США, в целом геополитическая ситуация в данном регионе, непосредственно касается России. Жизненно важные национальные интересы России, большая часть территории которой находится в Азии, непосредственно связаны с Северо-Восточной Азией и Азиатско-тихоокеанским регионом. После распада СССР Россия здесь оказалась «вне магистральных процессов развития экономического сотрудничества»⁵⁶. Резко возрастало значение Китая, а также Японии как экономических партнеров России. Объективно эти страны заинтересованы в том, чтобы богатый ресурсный потенциал Сибири и Дальнего Востока стал резервом для развития как самой России, так и стран региона, испытывающих недостаток в таких ресурсах. При этом для самой России неприемлемо закрепление за ней положения всего лишь источника первичного сырья, так как это сдерживает ее развитие, оставляет не востребуемым огромный научно-технический потенциал, созданный ранее⁵⁷.

Что касается Китая, то, как весьма точно оценивает известный российский китаевед академик РАН М. Л. Титаренко, в той геополитической ситуации, после распада СССР, он был «единственной великой державой, которая проявила определенное понимание интересов и

трудностей России и выразила готовность к расширению равноправного сотрудничества с ней». Это отражало совпадение стратегических интересов России и Китая в деле обеспечения их самостоятельности и независимости, укрепления национальной безопасности, повышения их роли и места в мире, строительства новой структуры международных отношений на основе многополярности и исключения гегемонизма»⁵⁸.

Одним из важных направлений стратегического сотрудничества Российской Федерации и Китая в XXI веке есть основание считать «взаимодействие в установлении многополярной структуры международных отношений, укреплении безопасности в АТР и других районах, сдерживании продвижения военных структур Запада и Японии к границам России и Китая»⁵⁹. Россия и Китай занимают общую позицию по многим международным вопросам. При этом они сохраняют собственные исходные интересы.

В последние десять лет Россия наращивала динамику своего участия в интеграционных процессах в Восточной Азии и Азиатско-тихоокеанском регионе. Она стала членом Форума азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества, участвует в работе регионального Форума АСЕАН по вопросам безопасности, в шестисторонних переговорах по корейской ядерной проблеме. Признанию России региональным сообществом в качестве равноправного и перспективного партнера в значительной мере, как представляется, способствовало возвращение страны к более активной политике на международной арене, коренное улучшение отношений между Москвой и Пекином. Опыт прошедших лет позволяет реалистично оценивать ситуацию с точки зрения перспектив интеграции России в экономическое пространство АТР и Восточной Азии. Долгосрочные интересы России – это создание современной экономики инновационного типа, интегрированной в экономику региона, обеспечение здесь экономических позиций и политического влияния России, сохранение контроля над важнейшими сырьевыми ресурсами и получение выгод от их освоения и включение в систему международного разделения труда через развитие Дальнего Востока и Сибири. При этом согласно заключению участников Дальневосточного международного экономического форума (Хабаровск–2006) России придется ответить на ряд серьезных вызовов:

Вызов первый. Изменение характера азиатского окружения России. Если в 80–90-х годах в качестве приоритетных партнеров рассматривались Япония и страны НИС, то теперь фаворитом является Китай. Он – не только выгодный партнер, но, одновременно, выходящий на лидирующие позиции в Восточной Азии производитель товаров и активный потребитель сырья.

⁵⁴ Международная конференция КАСМО «Проблемы безопасности в СВА». Пекин, июнь 2007 г.

⁵⁵ Уткин А. Новый мировой порядок. М., 2006, с.436.

⁵⁶ Титаренко М. Л. Россия лицом к Азии. М., 1998, с.105.

⁵⁷ Там же, с.184.

⁵⁸ Там же, с. 271.

⁵⁹ Там же, с. 277.

К настоящему времени изменилась ситуация в Северо-Восточной Азии. Она с политической и экономической точек зрения больше не является однородным субрегионом. Образовались «Большая тройка» (Китай, Япония и Республика Корея) и «периферийная группа» (Россия с Дальним Востоком, Монголия и КНДР). Россия заинтересована стать полноправным участником интеграционного процесса, который инициируется «Большой тройкой», включиться в движение за создание зоны свободной торговли в регионе.

Вызов второй. Рынок перечеркивает предопределенность зависимости «Большой тройки» от российского сырья. Современная экономика Дальнего Востока и Сибири для этих стран сохраняет значение в основном с точки зрения получения нефтегазовых ресурсов. Ситуация такова, что ресурсы в регионе есть, но их рентабельное освоение и извлечение выгод затруднены.

Вызов третий. Планы создания на Дальнем Востоке и в Сибири современной инфраструктуры чрезвычайно важны для России в целом. Но остается невыясненным вопрос, насколько это будет способствовать решению острейших социально-экономических проблем самого региона Дальнего Востока и Сибири.

Вызов четвертый. Прогрессирующее закрепление определенных ниш в системе международного разделения труда основано на монополии на рынках капитала и технологий. В результате происшедшей поддержки с приходом на эти рынки России для нее фактически остались лишь две ниши: сырьевая, прежде всего, топливно-энергетические и лесные ресурсы; услуги по транзиту грузов, в первую очередь, топливно-энергетических.

Как считают российские специалисты, современная асимметрия структуры торговых потоков России в Северо-Восточной Азии не является временной «неправильностью», но жесткой тенденцией. На ее преодоление потребуется максимальная концентрация ресурсов и усилий российского государства⁶⁰. Укрепление экономических позиций позволило бы усилить влияние нашей страны на политические, интеграционные процессы, активизирующиеся в регионе с участием главных субъектов геополитики в регионе, какими являются Япония, Китай и США.

⁶⁰ Из итогового документа Дальневосточного международного экономического форума. Хабаровск–2006. <http://www.dvforum.ru/2006/itogPeel.aspx>.

Энергетическая дипломатия Японии в странах Персидского залива в контексте трех нефтяных кризисов

Е. В. Арутюнян

Как известно, первый нефтяной кризис начался в 1973 г. Корни его возникновения следует искать в арабо-израильском конфликте¹, который произошел осенью того же года. После создания Израильского государства на Палестинской земле в 1947 г., арабские страны стали использовать нефть как «политическое оружие» для воздействия на Израиль, США и ряд союзнических государств. В 1960 г. они создали Организацию арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК), которая в дальнейшем была переименована в ОПЕК (Организация стран-экспортеров нефти). После четвертого арабо-израильского военного конфликта осенью 1973 г. (16 октября) шесть арабских государств приняли решение повысить цены на нефть сразу на 70%. На следующий день ОАПЕК объявила о сокращении нефтедобычи на 5% и потребовала заключения справедливого мира между Израилем и арабами². Посчитав, что западные страны, прежде всего США, недостаточно серьезно отнеслись к этим предупредительным мерам, 20 октября 1973 г. король Саудовской Аравии Фейсал объявил об уменьшении экспорта нефти и запрещении ее продажи Соединенным Штатам. Одновременно цены на нефть были подняты в 2,12 раза. В результате 1 баррель нефти типа «арабэнлайт», за который импортеры в начале 1973 г. платили 3 долл., за год подорожал до 12 долл. Установление эмбарго по отношению к США и их союзникам серьезно дестабилизировало ситуацию в нескольких странах, в том числе, и в Японии³.

Арабские страны разделили все государства на два лагеря – дружественные и недружественные. К числу недружественных государств были причислены Израиль, США, Голландия, Великобритания, Япония и др. В связи с этим поставляемый в Японию объем нефти уменьшился на 10%. Эта ситуация отрицательно повлияла на экономику Японии, особенно после того, как цены на нефть за короткий период

¹ Подробнее об этом конфликте см.: *Оганесян Николай*. История арабских стран. – Век независимости и суверенитета 1918–2005 гг. Ереван : Зангак–97, 2007, т. 4, с. 259–301.

² *Того Кадзухито*. 50 лет японской дипломатии (1945–1995), М., 1996, с. 120; *Wu Yuan-Li*. Japan's Search for Oil, A Case Study on Economic Nationalism and International Security. Stanford, 1977 – XVII, p. 1.

³ Подробнее см.: *Оганесян Николай*. История арабских стран, с. 363.